

Картинка
из детства.
Йошкар-Ола –
Казань

Была недалеко Йошкар-Ола,
к нам приезжала бабушка нередко.
Она была несушка, не наседка –
в надёжной сумке яйца нам несла.

Точней, везла. И каждое яйцо
укутывала в клоч газеты старой,
чтоб не разбилось от контакта с тарой.
А мы, сомкнув семейное кольцо,

как сонные туристы у костра,
усевшись вокруг яичной сумки плотно,
трудились монотонно и дремотно,
приехавшие яйца развора-

чивая, разворачивая, раз-
ворачивая, и движеньем нежным,
с почтеньем
(как к гостинцам зарубежным)
их складывали в миски. Возле нас

клочков газетных холм лохматый рос,
а в них обрывки «...ветского народа»,
«...зда партии» и «...тки в четыре года»,
портретов трети, что-то про колхоз.

Как выполнивший план рабочий класс,
поставив миски в холодильник, к балкону,
за стол мы шли к куриному бульону
из птички, привезённой в прошлый раз.

КОГДА ЕСТЬ...
КРЫЛЫЯ...

* * *

Таблица умножения на ноль
Всегда лежит на письменном столе.
Как хорошо на ноль помножить боль
Зимой, когда все силы на нуле.

Как хорошо на ноль помножить даль
И море заманить за свой порог.
И вычесть опостылевший февраль
Из непустого множества тревог.

Гармония так свойственна нулю.
Помноженный на ноль, безвреден яд.
Но я опять сижу на ноль делю
Упорно. Безнадёжно. Всё подряд.

Детский сад

Глазки-изюминки, уши-вареники...
Ждёшь ли, не ждёшь ли, читатель, подспудно
Рифму считалочью эники-беники,
Ждёшь ли, не ждёшь ли – лови. Мне нетрудно

Вспомнить те фразы, стишки и считалочки,
Слов-неразлучников тройки и пары.
К палочкам тут же бегут выручалочки,
Вслед за Тамарой бредут санитары.

Месяц – с туманом, говядина – с жадиной,
Крысы – с Борисом. Лариса, куда ты?
Нет уж, дразнилке не быть обокраденной.
В строй становись! Аты-баты, солдаты.

Брови белёсые, мягкие локоны.
Садик. Изжёванный пододеяльник.
Кашки не слопаны. Чашки раскоканы.
Кудри растрёпаны. Чайник, начальник.

С Иркою можно играть и с Наташкой,
Хоть из контекста порой выпадаю.
Но называть одуванчик – ромашкою?!
Как это, как это? Спорю, страдаю.

В мире, на дом и на садик расколотом,
Путь мой словесные портят ухабы.
Что ж вы фольгу называете золотом?
Ну серебром называйте хотя бы!

Воду здесь белой считают. Так принято.
Спорю, страдаю. Бесцветная – вот же!
Вот же – прозрачная! Вот же гордыня-то...
Да не гордыня. А просто, как вожжи

Прямо под хвост – эти сбои словесные.
Хочется точности. Рожки да ножки.
Лучше считалки. Там странности – честные.
И понарошки идут по дорожке.

Наша Таня и наше всё

Наша Таня не плакала – не научили.
Сигареты ли в речку роняла, мячи ли,
Однокласснички вред причиняли, врачи ли,
Чудаков ли никчёмных в той речке мочили,
Пиночет ли зачем-то бесчинствовал в Чили,
Наша Таня не плакала – днём ли, в ночи ли.

Нашу Таню прозвали железною леди,
И она, как медведи на велосипеде,
Молча мчала к победе.

Вдруг Онегин. Нет, это какой-то позор...
Он железную Таню не видел в упор.
Он железную Таню отправил в игнор
И поставил печать: «Невермор».

Таня плачет, как дура, весь день во дворе
От зари до зари и опять на заре.
Ты бы, Таня,
Лучше вспомнила сказку о подлом царе,
О Салтане.
Он же в бочку засунул родную жену
Без питанья!
Слышишь? В бочку! Засунул! Родную жену!
Видно, чтоб не позорить родную страну.

Знаешь, Таня, тебе нынче нужен ликбез.
Вытри сопли, Татьяна,
И пльви-ка по морю, с мячом или без,
Мимо острова, значит, Буяна.

И увидишь: та пара живёт до сих пор,
И царицею царь не отправлен в игнор.
Ну подумаешь, бочка. О чём разговор?
Эти мелочи даже в расчёт не берём.
А Онегин дитя по сравненью с царём.
Тоже мог засмолить тебя в бочку.
Он гранату метнул? Заложил динамит?
Может, взял арбалет? Может, сел в «Мессершмитт»?
Нет? А что ж ты ревёшь, аж железо гремит?

Всё, приплыли. Меня что-то, Таня, штормит.
И, пожалуй, пора ставить точку.

* * *

Не ходит по земле коровка божья,
Ей можно не бояться бездорожья.
Когда есть крылья, да ещё в горошек,
Не надо ни тропинок, ни дорожек.
А я коровка местная, земная.
Шагаю, пыль дорожную сминая.
Порою тоже бормочу: «О Боже!», но
Мне крыльев и горошин не положено.

Курицанептица

Курицанептица идёт по земле,
Курицанептица находит в золе
Незернонежемчуг, лишь пыль да труху.
Курицанептица. Курицанептица.
Нирыбанимясо. Ни в суп, ни в уху.

Ни к павам, ни к воронам, ни к людям, ни к козлам,
Лишь к звукам похоронным – тадам-падам-падам.
На темя ноты капают – туру-туру-туру.
Ей голову оттяпают – поскачет по двору.

Курицанептица по кругу, по кру...
Может, в пляс пуститься – туру-туруру?
Вдарить, что ль, Сен-Сансом да выжать слезу?
Курицанептица. Курицанептица.
Нирыбанимясо в зелёном тазу.

У книжного шкафа

Из шкафа книжного, бывалыча,
Достану том Антона Палыча.
Писатель был хорош весьма.
Иван и Алексан Сергеичи
Глаголом жгли сердца умеючи.
Сниму я следом их тома.

Сан Саныч с Анною Андревною
Известны лирикой душевною.
Их книжки тоже я возьму,
Дополню Михаилом Юричем
И об пол шваркну со всей дури, чем
Слегка хандру свою уйму.

Ну а чего они, жестокие,
Так ловко складывали строки? И
Я почему так не могу?
Пойду утешусь, как конфетою,
Бесплатной местною газетою
И в Баден-Баден убегу!

* * *

Я боюсь темноты. А она не боится меня.
Забирается в дом – по-хозяйски, по-свински, по-братски.
И гуляет в ночи, чем-то страшно шурша и звеня
И на полках моих громко трогая мелкие цацки.

Я боюсь темноты. А она не боится меня
И гуляет во мне, что-то пробуя остреньким зубом.
В голове и в груди начинается ночь вместо дня,
И сгущается лёд, и его не разбить ледорубом.

Я боюсь темноты. А она не боится меня.
Кстати, думаю, зря. Вот сейчас соберусь понемногу.
Улыбнусь-подтянусь. И, спокойствие важно храня,
Я отправлюсь пугать темноту на ночную дорогу.

